

UNITED WISDOM

Латиноамериканская философия освобождения: кто имеет право задавать вопросы

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-20-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Латиноамериканская философия освобождения: кто имеет право задавать вопросы

Представим условное городское обсуждение. Эксперты предлагают реконструкцию района. На экране — сроки, инвестиции и будущая привлекательность улиц. Жительница спрашивает, где будет жить её семья во время работ и сможет ли она вернуться. Ведущий отвечает: «Это отдельный социальный вопрос; сейчас обсуждаем развитие». Формально женщине дали слово. Но её вопрос не получил права изменить само понимание развития.

Философия освобождения обращает внимание на такой поворот: человек может присутствовать в системе и всё же быть представлен в ней только как препятствие, ресурс или получатель чужого решения. Тогда важно не просто добавить его историю к готовой теории. Нужно спросить, кто определил исходную задачу, чьи последствия считаются существенными и кто вправе оспорить критерии успеха.

О чём эта статья

Мы рассмотрим латиноамериканскую философию освобождения как неоднородное движение, сформировавшееся вокруг зависимости, угнетения и возможности самостоятельного мышления. Особое место займёт Энрике Дуссель и его понятие экстериорности — exteriority: другой человек не исчерпывается функцией, отведённой ему внутри системы.

Но слово «освобождение» не даёт никому автоматического права говорить за всех. Поэтому рядом с Дусселем будут вопросы о педагогическом диалоге у Паулу Фрейре, методологической самостоятельности латиноамериканских феминизмов у Офелии Шутте и критике академического присвоения у Сильвии Риверы Кусиканки. Мы различим эти линии и их исторические задачи. Современные сцены — наши условные примеры для проверки аргументов. Статья не предлагает свести общественное угнетение к личному мышлению, не объявляет всякое неприятное требование колониализмом и не обещает, что правильно поставленный вопрос сам изменит материальные условия.

@andrey.zarinsh @ilkutki

1. Философия из конкретного места

Вопрос философии освобождения состоит не только в том, какой ответ верен, но и в том, из какой исторической ситуации он возникает. Академический обзор «Philosophy of Liberation», §§1.2–2 связывает становление движения с латиноамериканскими дискуссиями о зависимости и подлинности философии; важным моментом стал аргентинский философский конгресс 1971 года. У движения были разные авторы, методы и политические разногласия.

Эта историческая определённость существенна. Речь не о красивом названии любой работы над собой. Зависимость экономики, государственная власть, культурная иерархия и положение исключённых людей — общественные вопросы. Если заменить их только призывом «думать свободнее», масштабы проблемы изменятся без объяснения.

Однако внимание к месту не делает довод локальным в смысле неважного для других. Человек, сталкивающийся с определённой структурой, может обнаружить проблему, которую общий язык скрывает. Значимость вопроса тогда шире его происхождения. Для этого нужны аргументы, а не объявление опыта одной группы универсальной истиной.

Наш городской пример показывает механизм. Планировщик оценивает проект через инвестиции. Жительница вводит возможность возвращения. Если вопрос принимают всерьёз, меняется предмет расчёта: прежний успех оказывается недостаточным. Это не делает любой предложенный ею вариант технически осуществимым. Но её последствия становятся частью задачи.

Ситуированность означает, что никто не начинает из совершенно пустой точки. У эксперта тоже есть институциональная роль, выбранные показатели и заказ. Поэтому полезно сделать основания видимыми для всех сторон. Философия освобождения становится интересной там, где это раскрытие позволяет проверить притязание одного положения на роль нейтрального взгляда отовсюду.

2. Зависимость и право мыслить самостоятельно

Спор Аугусто Саласара Бонди и Леопольдо Сеа касался возможности подлинной латиноамериканской философии. По обзору, §1.2, Саласар Бонди связывал её отсутствие с интеллектуальной зависимостью; ответ Сеа стал частью дальнейшей повестки. Уже здесь видна дискуссия, а не единый ответ всех мыслителей региона.

Для нашего современного размышления можно представить университет, который оценивает любую местную работу только по тому, насколько она повторяет признанную зарубежную школу. Такая оценка может различать качество аргумента, но способна

также закреплять роль вечного ученика. Автор допускается к разговору при условии, что задаёт чужие вопросы признанным способом.

Противоположная крайность — считать заимствование само по себе потерей самостоятельности. Но философское мышление часто развивается через переводы, критику и переработку. Использование понятия не делает автора копией того, кто употребил его раньше. Существеннее, способен ли он проверять пригодность понятия для своей задачи.

Допустим, местный исследователь использует экономическую модель, созданную в другой стране, и обнаруживает, что она не учитывает определённый вид труда. Он может изменить модель, показать границы или предложить конкурирующее объяснение. Его самостоятельность проявляется в этой работе, а не обязательно в полном отсутствии внешних влияний.

Так возникает различие между происхождением инструмента и подчинённостью суждения. Можно пользоваться чужой теорией самостоятельно. Можно создавать термин на местном языке и всё же следовать чужой повестке. Источник слова не решает вопрос автоматически.

Для нашего чтения освобождение мысли означает возможность спросить, подходит ли принятый вопрос к происходящему, и получить право предъявить основания ответа. Это ещё не политическое освобождение в полном смысле. Но без такой возможности интеллектуальная работа рискует обслуживать описание, внутри которого часть жизни заранее не имеет значения.

3. Дуссель: другой больше своей функции

В «Philosophy of Liberation», §§2.4.1–2.4.4 Дуссель развивает понятие exteriority — экстериорности. Другой человек не исчерпывается местом в нашем мире инструментов; он может обратиться к нам и поставить под вопрос систему, которая придаёт ему определённую функцию. Внешнее положение другого по отношению к системе здесь нельзя понимать просто как физическое нахождение за границей организации: сам автор предупреждает о неоднозначности пространственной метафоры.

Наш пример — условный курьер, представленный в рабочем отчёте как единица доставки. Это представление может быть полезным для расчёта маршрута. Но оно не охватывает человека целиком. Он имеет собственную жизнь, может отказаться от задания, сообщить о риске или потребовать пересмотреть условия.

Система не обязательно отрицает его существование. Она может учитывать имя, адрес и производительность. Однако детальный учёт ещё не означает признания

самостоятельного голоса. Если сообщение о риске воспринимается только как снижение эффективности, новые данные проходят через прежний критерий, не получая возможности изменить его.

Здесь становится ясной разница между информированностью и этическим отношением. Можно много знать о человеке и всё же обращаться с ним как со средством. Можно иметь неполное знание и признать, что он вправе оспорить нашу постановку задачи.

Для нашего применения понятие экстериорности — вопрос о том, какую часть другого не вмещает выбранная модель. Ответ не обязательно требует полностью отказаться от расчётов. Он может требовать добавить ограничение, изменить показатель или признать право на отказ. Но если сама система допускает только сведения, подтверждающие её прежнюю цель, она лишается важного способа обнаружить собственную несправедливость.

Дусселевская категория остаётся философской. Конкретные условия труда необходимо исследовать отдельно. Метафизическое положение не устанавливает автоматически факты определённой организации и не заменяет голоса работающих в ней людей.

4. Когда последствия меняют критерий успеха

Если голос человека признан самостоятельным, следующий вопрос — какие его доводы могут изменить правила работы. Недостаточно выслушать сообщение о риске и оставить прежний критерий эффективности единственным основанием решения. Нужно проверить, что именно этот критерий позволяет увидеть и какие последствия он скрывает.

Такое прочтение не делает внешнего собеседника непогрешимым. Человек может неверно объяснять причину собственного затруднения или предлагать решение, которое ухудшает положение других. Но прежде чем проверять его довод, нужно позволить ему появиться как доводу. Если возражение заранее исключено из допустимых вопросов, спор о его качестве ещё не начинался. Различие между правом быть услышанным и правотой ответа существенно для любой практики освобождения.

В собственном контрпримере сотрудник просит изменить расписание ради своего удобства, а предложенный вариант оставляет другого без необходимого времени на отдых. Нельзя автоматически назвать первую просьбу голосом освобождения, а второе возражение защитой господства. Нужно восстановить положение обоих и рассмотреть альтернативы. Иначе признание исключённого человека быстро превращается в новый способ исключать неудобных участников.

Экстериорность важна не только как требование вежливости. Она позволяет поставить вопрос о границах общей оценки. Если успешная система причиняет части людей вред, который внутри её показателей не считается значимым, требуется проверить сами показатели.

Рассмотрим условный проект улучшения городского транспорта. Среднее время поездки снизилось, но новый маршрут перестал проходить рядом с местом, где живут люди с ограниченной подвижностью. Общий показатель верен: поездки в среднем стали быстрее. Но он не отвечает, как изменилась возможность поездки для этой группы.

Здесь мы развиваем собственный аргумент: истинность измерения и достаточность критерия различаются. Исправить оценку не значит объявить все числа ложными. Нужно выяснить, какой вопрос они решают и кого оставляют вне него. Среднее значение может быть полезным, если рядом видны распределение и существенные исключения.

Это также не означает, что любой отрицательный эффект запрещает любое изменение. Иногда альтернативы тоже имеют цену. Дорога, больница, школа или рабочее место требуют распределения ограниченных ресурсов. Поэтому этическое внимание должно переходить к реальным вариантам и сравнению последствий, а не останавливаться на заявлении о несправедливости.

Но сравнение отличается от исключения. Если затронутых людей заранее объявляют непрофильными, их потери не входят в обсуждение. Тогда система кажется успешной благодаря рамке, которая не позволяет поставить неудобный вопрос.

Философия освобождения в нашем прочтении требует возможности оспаривания этой рамки. Такой шаг может быть неприятен тем, кто уже вложил силы в проект. Признать новое последствие — не обязательно признать злой умысел. Иногда это означает обнаружить ошибку описания. Однако после обнаружения ошибка уже требует ответа; хорошее первоначальное намерение не отменяет нового знания.

5. Фрейре: вопрос не должен оставаться привилегией учителя

В главе 2 «Pedagogy of the Oppressed» Фрейре критикует «банковскую» модель образования: учащиеся становятся вместилищами, куда преподаватель помещает содержание. Альтернативное проблематизирующее образование предполагает участие в исследовании действительности. Это самостоятельная педагогическая линия, связанная с освобождением, но не тождественная метафизике Дусселя.

Наш условный пример — обучение сотрудников новому порядку работы. Инструктор показывает процедуру, а участник замечает, что на его участке один шаг невозможен.

Если замечание принимают только как признак недостаточной обученности, практический опыт не становится источником вопроса. Участнику разрешено повторить правило, но не исследовать его пригодность.

Диалог в таком случае не сводится к более тёплой манере преподавателя. Важно, может ли полученная информация изменить содержание обучения. Если после любого ответа следует прежняя инструкция, вопросы служат декорацией участия.

При этом совместное исследование не отменяет различий компетенции. Человек, впервые изучающий электрическую безопасность, не становится равным специалисту во всех вопросах только потому, что имеет право говорить. Но специалист способен проверять сведения о конкретных условиях и объяснять основания ограничения. Авторитет знания и монополия на постановку любого вопроса — разные вещи.

Подлинный диалог также не обязан приводить к приятному согласию. Он может показать, что предложенная цель недостижима или что участники расходятся в оценке допустимой цены. Это труднее, чем механическая передача правильного содержания. Но иначе люди остаются объектами обучения, даже когда много отвечают.

Для практического чтения здесь важно различить информирование, обучение и совместное решение. Каждое действие имеет место. Проблема начинается, когда первое называют третьим, не давая участникам возможности повлиять на вопрос и последствия ответа.

6. Кто говорит от имени освобождаемых

Особенно сложна ситуация, когда участие ограничено временем. Организаторы условного общественного обсуждения должны принять решение о проекте к определённой дате. Они не могут бесконечно ждать всех возможных мнений. Но из этой реальной трудности не следует равенство любых форм участия. Можно заранее сообщить, что именно остаётся открытым, предоставить несколько способов ответа и объяснить, как будут учтены разногласия. Можно провести встречу после окончательного решения и назвать её консультацией. Внешнее сходство двух встреч скрывает разную роль собеседников.

В таком случае стоит спрашивать не только о числе присутствовавших, но и об изменяемости решения. Какие предложения могли повлиять на результат? Были ли варианты, выходящие за рамку первоначального проекта? Что происходит с возражением, которое поддержало меньшинство? Если решение осталось прежним, это не обязательно доказывает бессмысленность участия: аргументы могли быть рассмотрены и отклонены по понятным основаниям. Но основания должны быть

доступны, иначе слово «учли» невозможно отличить от вежливого завершения разговора.

Есть и право не участвовать в требуемой форме. Человек может отказаться рассказывать личную историю перед аудиторией, согласившись направить письменное замечание. Он может не доверять представителю и не иметь возможности присутствовать сам. Отказ не стоит автоматически считать согласием с решением или отсутствием интереса. Иногда открытость формата проверяется именно на способности допустить такой ответ, который не вписывается в красивую сцену общего диалога.

Главная внутренняя трудность любого освободительного проекта — представительство. Кто определяет, что нужно тем, чья жизнь объявлена исходным основанием философии? И могут ли они не согласиться с человеком, который говорит от их имени?

Наш условный пример — организация защиты арендаторов. Руководство считает главным требованием снижение платы. Часть участников согласна. Другие больше боятся выселения, третьи хотят иметь право самим управлять ремонтом. Все сталкиваются с ограничениями, но их приоритеты различаются. Слово «угнетённые» не создаёт единого готового желания.

Если лидер предъявляет свою программу как подлинный голос всех, несогласный может оказаться исключённым именно в процессе освобождения. Раньше ему говорили, что он мешает развитию. Теперь — что он не понимает собственного интереса. Меняется оправдание, но его вопрос снова лишается силы.

Мы развиваем здесь собственную критическую проверку. Представительство требует основания: кто уполномочил говорить, на какой срок, по какому вопросу, как можно отозвать полномочие? В больших движениях невозможно получать индивидуальное согласие на каждое действие. Но это не делает возможность возражения ненужной.

Есть также разница между поддержкой чужого требования и заменой чужого суждения своим. Исследователь способен предоставить данные, юрист — объяснить варианты, общественный деятель — организовать площадку. Каждый может быть полезен, не присваивая право определить смысл чужой жизни.

Проверка представительства относится и к этой статье. Мы можем изложить аргументы, но не называем текст голосом всех жителей Латинской Америки, всех женщин или всех коренных народов. Содержательное уважение требует оставить место тем, кто иначе определяет проблему, иначе использует понятия и иначе оценивает предложенное освобождение.

7. Феминистское возражение: внутри общего «мы» есть различия

Офелия Шутте в «Engaging Latin American Feminisms Today», начало статьи, 2011 ставит вопрос о методологических условиях самостоятельной латиноамериканской феминистской философии. Она исследует, как господствующие способы представления знания ограничивают признание мыслительниц и связь теории с местными социальными условиями. Это её собственный проект; мы не сводим его к роли примечания к Дусселю.

Для нашего размышления важен следующий вопрос: если движение критикует внешнее господство, видит ли оно внутреннее? В условной организации женщины участвуют в общей борьбе, но им оставляют обслуживание встреч и не дают определять повестку. Внешняя цель может быть справедливой; распределение голоса внутри движения остаётся отдельным предметом критики.

Общее обозначение «народ» способно объединять, но также скрывать разные положения. Кто имеет время участвовать? Чьи обязанности считаются естественными? Кого приглашают выступать? Какой опыт называют частным, когда он не подходит к центральной истории?

Такая критика не обязательно разрушает солидарность. Она может менять условия её формирования. Единство, которое требует молчания о внутреннем неравенстве, оплачивается преимущественно теми, кто это неравенство несёт.

Но различия также нельзя считать автоматически непреодолимыми. Люди с разным опытом способны создавать совместные действия, если уточняют цели и не выдают ограниченное соглашение за полное совпадение. Можно поддержать определённое требование, сохранив несогласие по другим вопросам.

Здесь находится ценная возможность философии: увидеть, как общий язык освобождения открывает одни вопросы и закрывает другие. Проверить это можно через конкретное распределение участия, а не через торжественность лозунга. Кто смог изменить решение? Какой довод был рассмотрен? Кто имеет право сказать, что предложенная форма солидарности пока для него недостаточна?

8. Коренные авторы не являются материалом для чужой системы

Сильное возражение появляется и со стороны авторов, чьи работы академия может превращать в удобное сырьё. Сильвия Ривера Кусиканки в «Ch'ixinakax utxiwa», с.101–104 английской публикации критикует экономику академического признания и превращение южных идей в материал для северного канона. Это возражение затрагивает также дискурсы, которые сами называют себя деколониальными.

Наш условный пример — международная конференция. Местная исследовательница много лет работает с определённой общностью, но её допускают к центральной дискуссии только после перевода её опыта на модный термин приглашённого теоретика. Получается, что тема признана, а самостоятельная история её разработки остаётся в тени.

Здесь важно различить перевод и присвоение. Перевод может расширить доступ к работе; общее понятие может сделать сравнение продуктивным. Присвоение начинается там, где исчезает происхождение аргумента, автор превращается в информанта, а теоретическое право закрепляется за посредником.

Также недостаточно добавить в список источников несколько коренных имён. Участие автора в библиографии ещё не означает, что его аргумент способен изменить нашу рамку. Если мы берём только удобные фразы, не замечая возражений, разнообразие списка скрывает прежнюю монополию на смысл.

Этот риск относится к нашему тексту непосредственно. Ривера Кусиканки здесь присутствует как мыслительница с определённой критикой, а не как представительница всех коренных народов. Её нельзя автоматически записать в одну согласную школу с теми, кого она оспаривает.

Сохранение различий делает общую картину менее гладкой. Но философия освобождения заслуживает серьёзного чтения именно тогда, когда допускает трудный вопрос к собственному устройству: не воспроизводит ли она способы исключения, которые стремится критиковать?

9. Что это значит на практике

В этом месте видно различие освобождения и желания привести всех к одному образу хорошей жизни. Если итог уже определён, участникам остаётся лишь научиться желать правильного. Даже благожелательный проект тогда воспроизводит монополию на вопрос. Более трудная возможность состоит в признании, что собеседник может изменить не только способ достижения цели, но и нашу уверенность в самой цели.

Такое признание не запрещает защищать собственные ценности. Оно требует предъявлять их как основания, которые можно обсуждать, а не как доказательство заранее завершённого разговора. Расхождение иногда останется. Практика освобождения не обязана завершаться единогласием, чтобы иметь смысл. Её скромный, но существенный результат может состоять в том, что затронутый человек перестал быть только объектом решения и приобрёл возможность воздействовать на его предмет, ограничения и дальнейший пересмотр.

Из этой дискуссии нельзя вывести универсальный личный рецепт освобождения. Но можно заимствовать вопросы к постановке задачи, если это уместно для вашей ситуации. Наше практическое применение сохраняет общественный масштаб исходной философии и не превращает его в объяснение психологической причины любой трудности.

В условном проекте сначала можно посмотреть, кто определил успех. Затем — кто затронут результатом и какие последствия ещё не вошли в описание. После этого — может ли новый вопрос изменить решение или участникам разрешено только выразить впечатление.

Такое исследование не обязано начинаться с обвинения. «В нашем расчёте нет стоимости переселения» точнее и проверяемее, чем «вы всегда игнорируете людей». Но если отсутствие существенного последствия подтверждено, дальше требуется ответ по существу. Вежливое выслушивание не является заменой пересмотра.

Полезно различить несколько уровней участия. Получить информацию, дать отзыв, предложить альтернативу, участвовать в принятии решения — разные возможности. Назвать их прямо иногда важнее, чем объявить процесс открытым. Человек может согласиться на консультацию, понимая её границы; ему не стоит обещать соуправление, которого нет.

Наконец, право задавать вопросы не отменяет права не раскрывать личную историю. Чтобы оспорить несправедливый критерий, не всегда требуется подробно демонстрировать собственную боль. Данные, аргумент и описание последствия тоже могут быть достаточными. Уважение к исключённому голосу не должно превращаться в требование постоянно подтверждать уязвимость перед теми, кто контролирует обсуждение.

Содержание вопроса, основания ответа и реальные полномочия остаются предметом проверки. Ни один философский термин не устанавливает их заранее.

10. Право вопроса изменить разговор

В нашем условном городском собрании жительница не получает автоматически право остановить любой проект. Но её вопрос о возвращении нельзя считать несущественным только потому, что он нарушает удобный порядок презентации. Если развитие предполагает улучшение жизни, необходимо выяснить, чья жизнь входит в это понятие.

Философия освобождения предлагает серьёзно отнестись к этому моменту. Другой человек может быть источником вопроса, который меняет наше описание системы. Он не сводится к функции, благодарному получателю помощи или подтверждению чужой теории.

Однако освобождение должно выдерживать ту же проверку. Кто вправе оспорить освободителя? Как представлены внутренние различия? Может ли женщина, коренной автор, работник или член движения возразить без потери права участвовать? Чем сильнее моральное притязание проекта, тем существеннее эти вопросы.

Несколько рассматриваемых линий не сливаются в одно учение. У Дусселя — философская категория другого. У Фрейре — критика педагогического устройства. У Шутте — условия феминистского производства знания. У Риверы Кусиканки — возражение против академической экономики присвоения. Их сопоставление интересно благодаря разнице задач и возможным столкновениям.

Для нашего вывода достаточно скромного критерия: голос признан содержательно, если сказанное им может стать основанием изменить вопрос, критерий или действие. Это не означает обязательного согласия с любым требованием. Это означает, что ответ должен учитывать предъявленную проблему, а не только вернуть человека в заранее отведённую роль.

Право задавать вопросы поэтому глубже права присутствовать. Оно относится к возможности участвовать в определении того, что вообще нуждается в ответе. Именно там разговор об освобождении начинает проверять собственную честность — в судьбе неудобного вопроса после того, как он уже прозвучал.

Использованные источники

1. Eduardo Mendieta. Philosophy of Liberation, Stanford Encyclopedia of Philosophy, §§1.2–2. Исторический контекст, спор Саласара Бонди и Сеа, неоднородность движения.

2. Enrique Dussel. Philosophy of Liberation, английское издание 1985, §§2.4.1–2.4.4, печатные с.39–43. Экстериорность другого и границы инструментального представления человека.

3. Paulo Freire. Chapter 2 from Pedagogy of the Oppressed, английский перевод Myra Bergman Ramos, перепубликация 2009, с.163–174. Банковское и проблематизирующее образование; использованы относящиеся фрагменты.

4. Ofelia Schutte. Engaging Latin American Feminisms Today: Methods, Theory, Practice, Hypatia 26(4), 2011. Начало статьи: методологические условия и культурная определённость философского голоса.

5. Silvia Rivera Cusicanqui. Ch'ixinakax utxiwa: A Reflection on the Practices and Discourses of Decolonization, перевод Brenda Baletti, South Atlantic Quarterly 111(1), 2012, с.95–109. Использованы с.101–104: академические иерархии и присвоение теоретического авторства.